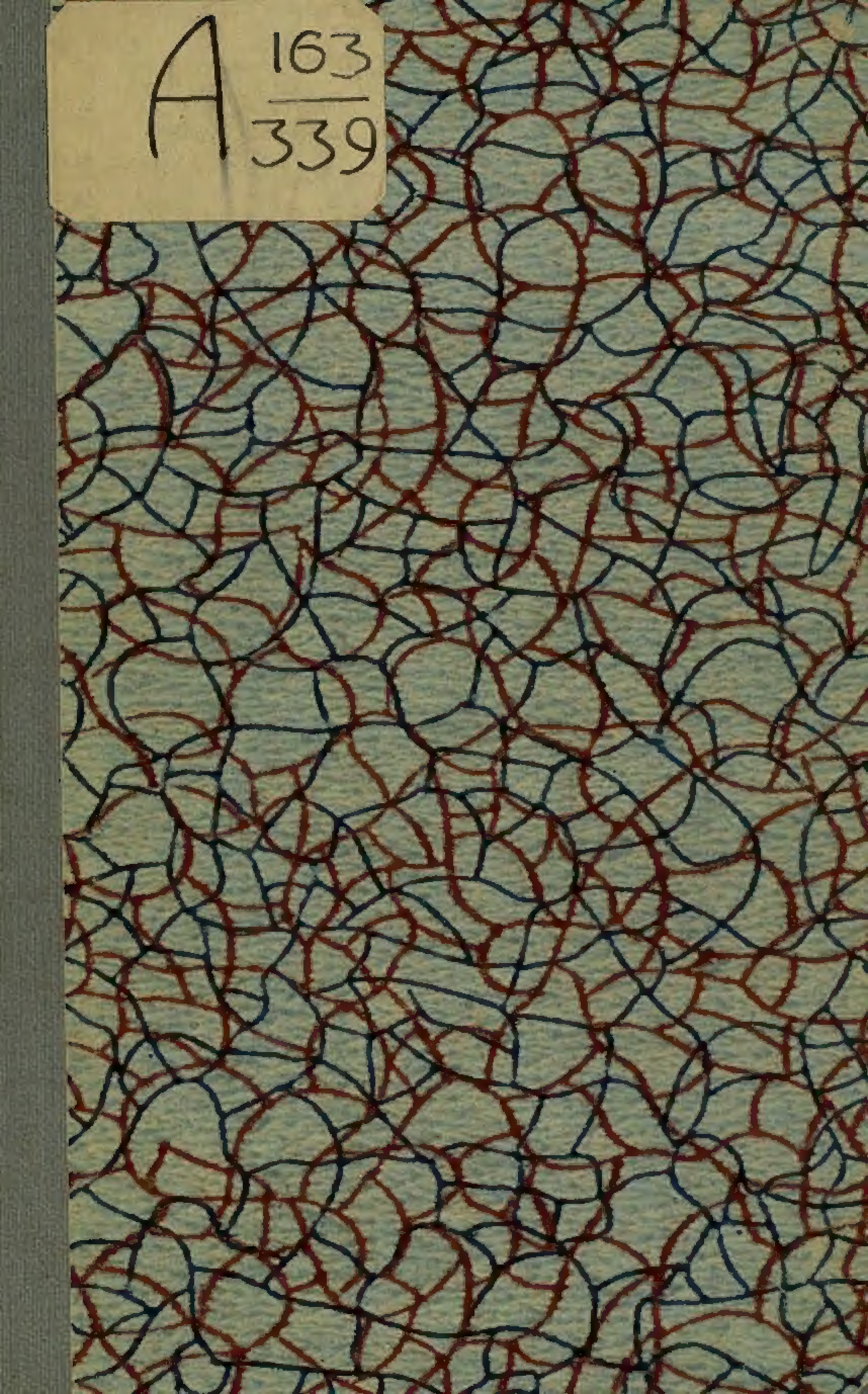
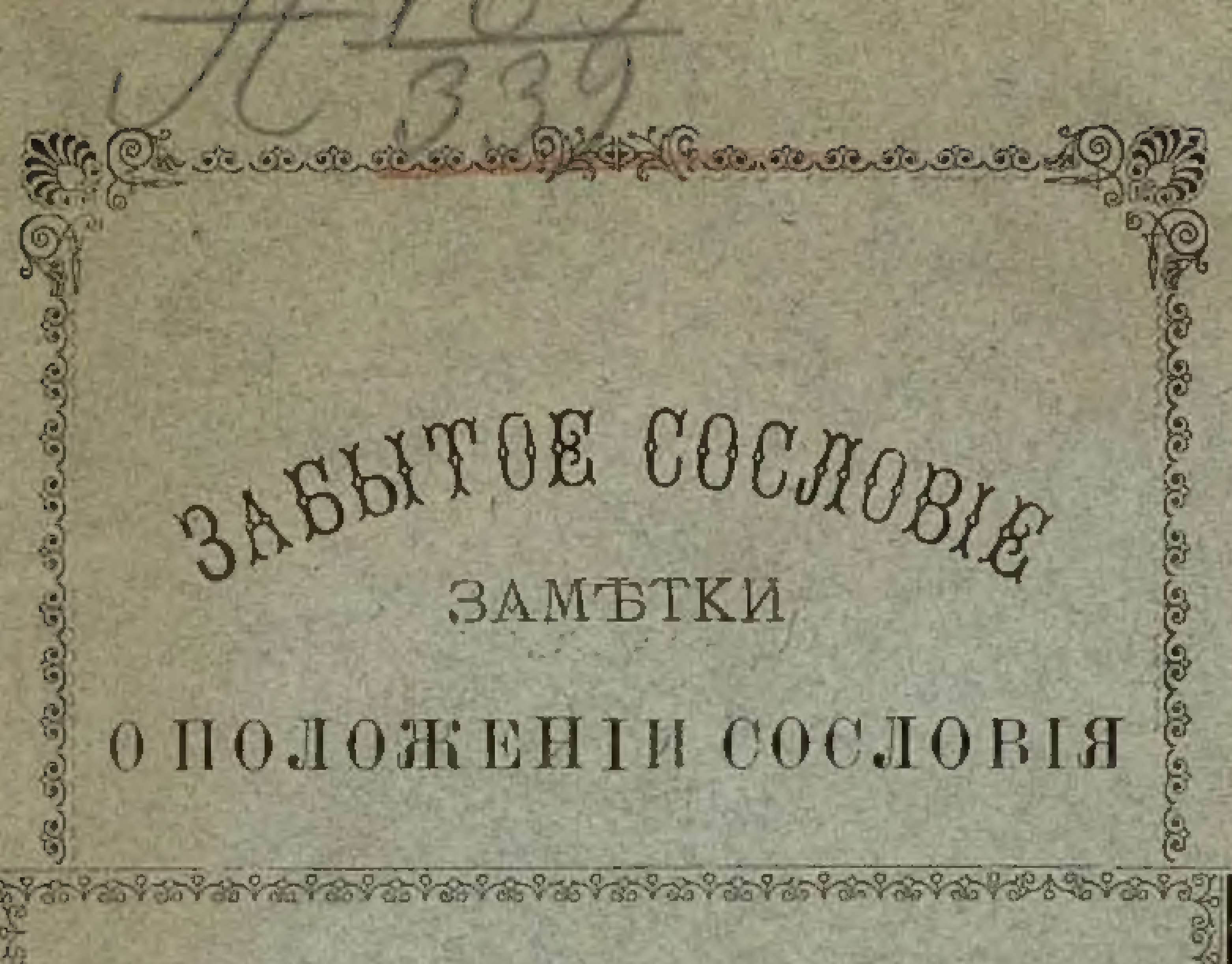

A 163/339

ЗАБЫТОЕ СОСЛОВІЕ

ЗАМѢТКИ

О ПОЛОЖЕНІИ СОСЛОВІЯ

ПОМОЩНИКОВЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ

Присяжнаго Повѣреннаго

С. Ю. Ломницкаго.

Посвящается

Альвину Густавовичу Лерхе.

ОДЕССА

Типографія Е. И. Фесенко, Ришельевская улица, собст. д. № 47.

1890

2007081199

ЗАБЫТОЕ СОСЛОВІЕ

ЗАМѢТКИ О ПОЛОЖЕНІИ СОСЛОВІЯ ПОМОЩНИКОВЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ

присяжнаго повѣреннаго

С. Ю. ЛОМНИЦКАГО.

Посвящается

Альвину Густавовичу Лерхе.

ОДЕССА.

Типографія Е. И. ФЕСЕНКО, Ришельевская, соб. домъ № 47.

1890.

Дозволено цензурою. Одесса, 20 января 1890 года.

ЗАБЫТОЕ СОСЛОВІЕ.

Существованіе каждаго сословія, его отношенія къ государству и обществу, его внутренняя организація, словомъ—вся дѣятельность каждаго сословія, какъ таковая, всегда и вездѣ нормируется закономъ, вызывая обыкновенно цѣлую стройную систему законодательныхъ опредѣленій. Исключеній въ этомъ отношеніи нѣтъ, и ихъ быть не можетъ, уже въ силу того, что не можетъ существовать такое сословіе, дѣятельность котораго не соприкасалась бы такъ или иначе съ органами государственной власти, а также съ частными лицами. Тѣмъ не менѣе, какъ это ни странно, въ Россіи не только существуетъ, но и съ каждымъ годомъ все болѣе увеличивается и дѣйствуетъ уже въ теченіи болѣе двадцати четырехъ лѣтъ цѣлое сословіе, вся обширная дѣятель-

ность котораго опредѣлена въ законѣ чуть ли не двумя-тремя словами, причемъ и это законодательное опредѣленіе гласитъ только, что такое-то де сословіе „можетъ существовать“.

Я говорю о сословіи „помощниковъ присяжнымъ повѣренныхъ“, о томъ сословіи, которому изо всей системы нашего законодательства посвящено только единственное упоминаніе въ 354 ст. учр. суд. установленій. Статья эта, заканчивая опредѣленіе лицъ, которыя могутъ вступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, между прочимъ говоритъ, что присяжными повѣренными могутъ быть и „занимавшіяся въ теченіи пяти лѣтъ судебною практикою подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ въ качествѣ ихъ помощниковъ“. Этою статьею начинается и заканчивается вся законодательная дѣятельность, объемлющая нарожденіе въ государствѣ цѣлаго сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Желалъ ли законодатель, давъ только необходимую канву, позаботиться въ ближайшемъ будущемъ о болѣе подробной регламентаціи существованія этого сословія или, быть можетъ, пола-

галъ всецѣло предоставить это дѣло личному патронату и совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ, давъ впослѣдствіи свою санкцію выработаннымъ нормамъ,—неизвѣстно, такъ какъ даже въ объясненіи къ 354 ст. учр. суд. уст. (въ изданіи государственной канцеляріи) сказано только, что „съ учрежденіемъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, у нихъ могутъ быть помощники (по практическимъ занятіямъ), которые, кончивъ курсы юридическихъ наукъ, но нигдѣ не служивши, могутъ тѣмъ не менѣе имѣть свѣдѣнія и въ судебной практикѣ“. Во всякомъ случаѣ эта, такъ сказать, законодательная недомолвка привела къ тому, что у насъ существуетъ сословіе, не имѣющее рѣшительно ни какой юридической почвы подъ ногами, и всѣ попытки со стороны совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и судовъ—дать хотя какую нибудь организацію сословію помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и такъ или иначе нормировать ихъ дѣятельность, не привели ни къ какимъ результатамъ.

Но касаясь вопроса объ организаціи этого сословія, необходимо прежде всего взглянуть какъ на контингентъ этого „раз-

садника“ присяжной адвокатуры, такъ и на условія, при которыхъ молодымъ людямъ приходится начинать свое адвокатское поприще.

Обыкновенный контингентъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ состоитъ изъ молодыхъ людей, только что оставившихъ университетскую скамью и, за рѣдкими исключеніями, людей безъ всякихъ средствъ; отсюда весьма понятно, что почти у каждаго зачисляющагося въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ, на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о возможности добыванія средствъ къ существованію, — конечно, путемъ адвокатскихъ занятій. Такое явленіе составляетъ чуть ли не полную противоположность, въ этомъ отношеніи, порядкамъ, существующимъ въ Западной Европѣ, гдѣ адвокатура, считаясь лучшею школою и преддверіемъ для занятія самыхъ высшихъ государственныхъ должностей, привлекаетъ въ свои ряды молодыхъ людей, болѣе состоятельныхъ классовъ населенія. Фактъ общеизвѣстный, что едва-ли не всѣ выдающіеся государственные люди Англіи и Франціи за послѣднее столѣтіе—про-

шли полный адвокатскій стажъ (stage), начавъ свою дѣятельность въ качествѣ клерковъ у присяжныхъ адвокатовъ.

Бюрократическій строй Россіи, полная непочатость нашего общества въ смыслѣ интереса къ юриспруденціи и то состояніе нашихъ судовъ, въ которомъ они находились до реформы, не могли выработать у насъ сословія адвокатовъ съ его высоко-идеальными традиціями. Неудивительно поэтому, что только нужда гонитъ нашу молодежь въ сословіе присяжной адвокатуры; къ причинамъ, которыя вліяютъ на избраніе молодыми людьми поприща адвокатуры, необходимо отчасти отнести и неправильно составившееся въ обществѣ мнѣніе, будто, при предполагаемой легкости труда присяжной адвокатуры, трудъ этотъ можетъ служить поводомъ къ обогащенію; при чемъ, конечно, совершенно упускается изъ вида то обстоятельство, что два—три примѣра обогащенія выдающихся свѣтилъ присяжной адвокатуры есть такое же обыкновенное явленіе, какъ и обогащеніе вообще выдающихся талантовъ во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, будь это въ области меди-

цины, музыки, механики, административной дѣятельности и т. д.

Не малую роль въ стремленіи современной молодежи ко вступленію въ ряды помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ играетъ очень печальное положеніе кандидатовъ на судебныя должности, а также необычайная медленность въ движеніи по службѣ въ нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Кому, напримѣръ, можетъ улыбаться перспектива пробыть кандидатомъ на судебныя должности въ теченіи 5—7 лѣтъ на жалованіи 15 рублей сереб. въ мѣсяцъ; мало того, большинство судебныхъ слѣдователей и членовъ окружныхъ судовъ всегда могутъ разсчитывать закончить жизнь въ этой должности, такъ какъ Петербургъ всегда имѣетъ достаточное количество своихъ кандидатовъ для назначенія ихъ на высшія судебныя мѣста. Кромѣ того, нежеланіе поступать въ кандидаты на судебныя должности совершенно резонно мотивируется молодыми юристами тѣмъ, что съ нѣкотораго времени въ нашихъ судахъ почти безслѣдно исчезло то прежнее весьма желательное отношеніе къ поступающей на службу моло-

дежи, которое было присуще нашимъ судамъ, въ первые 10—15 лѣтъ, послѣ введенія новыхъ судебныхъ учрежденій въ Россіи. Прежде, зачисляясь въ кандидаты, молодой человѣкъ зналъ, что отъ него не только будутъ требовать строго исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ и „учить“ его и, во всякомъ случаѣ, будутъ къ нему относиться, какъ къ будущему товарищу по службѣ, что далеко не исключало и не исключаетъ собою служебной дисциплины.

Въ настоящее же время кандидатъ на судебныя должности твердо знаетъ только одно, что требованія къ нему будутъ предъявлены сколь возможно строгія, но учить его никто не станетъ и никому нѣтъ дѣла до того, пріобрѣтетъ ли онъ вообще и какимъ образомъ пріобрѣтетъ необходимыя практическія познанія; къ нему будутъ относиться формально—сухо, и онъ съ завистью будетъ созерцать грустную картину, какъ чуть ли не всѣ мѣста секретарей и ихъ помощниковъ заняты лицами, получившими домашнее воспитаніе, или же „доказавшими на

службѣ свои познанія по судебной части“ (ст. 202 учр. суд. устан.). Такіе секретари и помощники секретарей, не получая, за неимѣніемъ требуемаго образовательнаго ценза, дальнѣйшаго по службѣ движенія, обыкновенно занимаютъ эти мѣста десятки лѣтъ и преграждаютъ доступъ въ суды университетской молодежи. При указаніяхъ судебному вѣдомству на всю невозможность и вредъ такого положенія вещей, обыкновенно получается отвѣтъ, что это дѣлается ради личнаго удобства высшихъ чиновъ судебнаго вѣдомства; что всѣ такіе секретари и ихъ помощники давно попривыкли къ своей работѣ и что они даже успѣли изучить всѣ требованія, характеръ и капризы своихъ начальниковъ, между тѣмъ какъ кандидатъ на судебную должность, прослуживъ три—четыре года, получаетъ новое назначеніе, а вновь поступившаго на его мѣсто кандидата приходится вновь учить. Въ такомъ взглядѣ на отношенія судебной магистратуры къ кандидатамъ на судебныя должности сквозитъ только личный эгоизмъ и полное нежеланіе выполнять обязательныя для всѣхъ и каждаго общегражданскія обязанности.

Обязанности же эти требуютъ, чтобы нынѣшніе чины судебнаго вѣдомства подготовили новое поколѣніе юристовъ, которое идетъ имъ на смѣну, къ далеко нелегкой задачѣ—служить съ честью своей родинѣ, что въ общемъ, съ большими или меньшими отступленіями, все же было вначалѣ выполняемо современными судебными дѣятелями. Да кому же въ самомъ дѣлѣ обучать это юное поколѣніе юристовъ, какъ не судьямъ, почтеннымъ юристамъ, богатымъ опытомъ и часто владѣющимъ обширною эрудиціею; и если въ настоящее время указанный выше недостатокъ проявляется съ большею силою, чѣмъ когда-либо, то мы скорѣе готовы отнести его къ тѣмъ явленіямъ, которыя характеризуютъ собою наше время и которыя сказываются часто въ извѣстной стереотипной фразѣ: „всѣ мы устали!“

Таковы причины, въ силу которыхъ молодежь, получившая университетское образованіе, не особенно охотно устремляется на службу по судебному вѣдомству. Что-же касается другихъ сферъ государственной службы, то для молодого юриста, желающаго посвятить себя той дѣятель-

ности, которая вполнѣ соотвѣтствовала бы его образованію, почти что нѣтъ исхода, а тѣмъ болѣе въ провинціи. И если въ Петербургѣ молодой юристъ еще можетъ (конечно съ большимъ трудомъ) пріискать себѣ мѣсто въ министерствѣ финансовъ, или внутреннихъ дѣлъ, то о провинціи и говорить нечего; — тамъ крѣпко засѣли на своихъ мѣстахъ лица, получившія „домашнее образованіе“, и ко всякому появленію въ ихъ средѣ молодого юриста они всегда относятся въ высшей степени враждебно. Кому, напримѣръ, неизвѣстно, что всѣ наши отдѣленія контръ-государственнаго банка, губернскія правленія, всячеcкіе комитеты, высшія должности по полиціи, — все это занято, за рѣдкими исключеніями, по преимуществу лицами, получившими „домашнее образованіе“, а ужъ много — много съ образованіемъ среднихъ учебныхъ заведеній. Слишкомъ часто за последнее время раздаются голоса о томъ, что наши университеты увеличиваютъ количество интеллигентнаго пролетаріата; но если таковой и существуетъ у насъ, то развѣ появленіемъ своимъ онъ не обязанъ указаннымъ выше порядкамъ?

Все это вмѣстѣ взятое привело къ непомѣрному увеличенію количества помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ; положеніе это доказывается слѣдующими данными: въ округѣ С.-Петербургской судебной палаты въ 1874 г. числилось помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ 176. Черезъ десять лѣтъ, т. е. въ 1884 г. число ихъ увеличилось до 241, а въ 1888 г. цыфра эта достигла 283. Въ округѣ Московской судебной палаты въ 1878 г. насчитывалось 90 помощниковъ повѣренныхъ, а въ 1889 г. количество ихъ возрастаетъ до 176. Одесскій округъ считаетъ въ настоящее время 129 помощниковъ, между тѣмъ пять лѣтъ тому назадъ едва насчитывалось ихъ 50 человѣкъ. Варшавскій окружный судъ въ 1878 году насчитывалъ 23 помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, но черезъ восемь лѣтъ, т. е. въ 1886 году, цыфра эта возросла до 95. По Судебно-статистическимъ даннымъ (М. Острогорскій), всѣхъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ во всѣхъ судебныхъ округахъ Россіи состоитъ 796 человѣкъ, но судя по свѣдѣніямъ, приводимымъ присяжнымъ повѣреннымъ

А. Сулиговскимъ въ его брошюрѣ „O Przygotowaniu Pomocników adwokatuw przysięgłych do zawodu obrończego“, цыфра эта слишкомъ уменьшена, и дѣйствительное количество помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ простирается до тысячи человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, фактъ ничѣмъ не оправдываемаго, а потому и ненормальнаго возрастанія количества помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣется на лицо. „Новые представители защиты ростутъ, какъ грибы послѣ дождя“, говоритъ Сулиговскій, „и дождемъ этимъ является послѣдній экзаменъ четвертаго курса“. Согласно отчетамъ Совѣта и Общихъ Собраній присяжныхъ повѣренныхъ округа С.-Петербургской и другихъ судебныхъ палатъ, а также по личнымъ наблюденіямъ, мы смѣло можемъ утверждать, что едва пять процентовъ всего состава помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ являются лицами, вполнѣ обезпеченными; весь-же остальной контингентъ направился къ помощники присяжныхъ повѣренныхъ съ единственною цѣлью немедленнаго и, къ сожалѣнію, не терпящаго никакого отлагательства добыванія средствъ къ существованію.

„Ежегодно въ августѣ мѣсяцѣ", говоритъ присяжный повѣренный Сулиговскій, „можно встрѣтить новыхъ адептовъ (допущенниковъ) сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Съ портфелемъ подъ мышкою они снуютъ по канцеляріямъ судовъ, и главнымъ образомъ—мировыхъ судебныхъ учрежденій; въ тоже время въ газетахъ появляются характерныя объявленія о желаніи принимать на себя веденіе чужихъ дѣлъ". Кажется намъ, что если остановиться на вопросѣ о томъ, каковъ долженъ быть качественно этотъ новый контингентъ защитниковъ, то невольно становится страшно и за кліента, и за защитника.

„Всѣмъ юристамъ хорошо извѣстно", говоритъ вышеупомянутый авторъ, „какую въ сущности подготовку для дѣятельности юриста даютъ наши университеты съ ихъ скудными курсами, да еще при отсутствіи требованія болѣе глубокаго изученія римскаго права... Что касается теоріи, то, пожалуй, здѣсь возможно найти только основанія для будущаго изученія предмета, но практическихъ свѣдѣній—никакихъ... Что же сказать о тѣхъ, кто далеко

не обременялъ аудиторій частымъ посѣщеніемъ лекцій и черпалъ свои мнимыя свѣдѣнія о правѣ изъ мизерныхъ записокъ товарищей! Занявшійся веденіемъ чужихъ дѣлъ юный рыцарь слова оказывается въ самомъ непривлекательномъ положеніи: не имѣя понятія о функціяхъ суда, онъ на каждомъ шагу выказываетъ свое незнаніе, которое онъ окупаетъ дорогою цѣною сострадательныхъ улыбокъ, обращенныхъ въ его сторону, и униженіемъ собственнаго достоинства. Вѣчно колеблющійся въ судебныхъ дѣйствіяхъ, которыя ему приходится совершать въ качествѣ защитника, онъ бросается промежъ книгою, которая не всегда сможетъ указать ему, соотвѣтствующую статью, и людьми, которые часто сами не всегда въ состояніи учить другихъ. Чуть ли не у каждаго писца въ судѣ онъ учится судебной процедурѣ, каждый помощникъ секретаря является для него учителемъ матеріальнаго права; на улицѣ, въ коррндорахъ суда, въ залахъ судебныхъ засѣданій у каждаго знакомаго присяжнаго повѣреннаго онъ ищетъ совѣта".

Что касается вопроса адвокатской эти-

ки и вообще нравственной стороны, дѣла то и здѣсь положеніе не лучше. Въ постоянной борьбѣ между дозволеннымъ и недозволеннымъ, между полезнымъ и вреднымъ, борьбѣ свойственной всему адвокатскому сословію, юноша безъ компаса, котораго онъ не получилъ, ибо не могъ еще и не успѣлъ даже получить его, вѣчно колеблется и часто переходитъ всякія границы, вовсе не сознавая этого или познавъ уже слишкомъ поздно. Всѣ привилегіи защитника, право самостоятельнаго совѣта, его право знать и обязанность сохранять тайну, право свободнаго договора о гонорарѣ и т. д.,—все это острый мечъ въ рукахъ ребенка. Тяжелая, удручающая картина нарисована присяжнымъ повѣреннымъ, лицомъ вполнѣ компетентнымъ, много наблюдавшимъ и превосходно знающимъ положеніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Не принялъ только во вниманіе нашъ почтенный сотоварищъ, что въ контингентъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ ежегодно вливается масса юношества, воспитавшагося въ самой душной нравственной атмосферѣ. Насъ могутъ упрекнуть въ ретроградности воззрѣній, но

фактъ всегда остается фактомъ, и между жизнью и прямолинейными сужденіями, будь они либеральнаго или консервативнаго направленія, всегда есть очень замѣтная разница; а факты эти говорятъ, что ребенокъ, воспитанный въ семьѣ ростовщика, фактора, за прилавкомъ бакалейной или табачной лавки, а часто даже и очень часто за кабацкою стойкою, не перевоспитывается въ гимназіи или въ университетѣ; да едва ли кто-нибудь станетъ даже спорить о томъ, что гимназіи и университеты только учатъ, а не воспитываютъ. Юноша, вышедшій изъ такой домашней обстановки, надолго еще по окончаніи университета, нуждается въ очень продолжительной и сильной нравственной опорѣ: иначе, едва снявъ студенческій мундиръ, онъ, подъ давленіемъ неблагопріятныхъ условій жизни, какъ нажатая губка, немедленно отдастъ все то, чѣмъ его напитали въ дѣтствѣ. Намъ могутъ возразить, что изъ самой низкой среды выходили геніи; но дѣло въ томъ, что здѣсь затронутъ вопросъ не о низкой, а о нравственно-гнилой средѣ, и не о геніяхъ мы говоримъ, а о той обыденной сѣренькой массѣ,

которая всегда и вездѣ составляетъ контингентъ каждаго сословія. Если то положеніе, въ которомъ находятся въ настоящее время помощники присяжныхъ повѣренныхъ, губитъ зачастую лучшія молодыя силы, то что же сказать о такихъ, которые и дома-то у себя съ дѣтства ничего не видѣли, кромѣ гешефта, часто грубаго обмана и вообще всякаго рода торгашества. Первыя столкновенія съ жизнью, первый вопросъ о дозволенныхъ и недозволенныхъ средствахъ защиты, первое условіе о гонорарѣ вызоветъ наружу въ этихъ нравственно слабыхъ людяхъ всѣ ихъ хищническіе инстинкты, а между тѣмъ никакой нравственной опоры со стороны нѣтъ, да, при настоящемъ положеніи вещей, ее и быть не можетъ. Не можетъ быть этой опоры уже потому, что девяносто процентовъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ только формы ради приписаны къ своимъ патронамъ и всѣ обязанности послѣднихъ въ отношеніи своихъ помощниковъ были исчерпаны единымъ только актомъ: заявленіемъ суду или совѣту присяжныхъ повѣренныхъ о томъ, что такой-то-де дѣйствительный студентъ или кан-

дидатъ университета принятъ мною въ число моихъ помощниковъ. Что затѣмъ далѣе дѣлаетъ помощникъ, какія онъ ведетъ дѣла, а главное, какъ онъ ихъ ведетъ,—все это предоставляется усмотрѣнію самаго юноши, который, въ силу естественнаго порядка вещей, еще долго, по крайней мѣрѣ, чуть ли не цѣлые полгода, по окончаніи университета, не въ состояніи написать ни одного прошенія, не изорвавъ при этомъ цѣлой дести бумаги.

Счастливъ еще тотъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго, которому приходится часто писать прошенія; —все же раньше или позже, а онъ пріобрѣтетъ хотя кой-какія практическія познанія; но весьма часто случается, что молодой человѣкъ чуть-ли не въ теченіи всего пятилѣтняго стажа бываетъ лишенъ и практики и теоретическихъ познаній; между тѣмъ вопросъ о средствахъ къ существованію не перестаетъ заявлять о себѣ все громче и громче. И вотъ мы присутствуемъ при очень печальномъ зрѣлищѣ, когда масса помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ является въ роли ночныхъ корректоровъ въ редакціяхъ газетъ, преподавателей част-

ныхъ уроковъ, переводчиковъ и корреспондентовъ; словомъ, идетъ невольное упражненіе во всѣхъ спеціальностяхъ, исключая той, къ которой долженъ готовиться молодой человѣкъ, поступившій въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Весьма недавно намъ приходилось присутствовать при слѣдующемъ сообщеніи одного изъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, который заявлялъ о положеніи своихъ сотоварищей: „бѣднота между нами страшная; у нѣкоторыхъ еще время отъ времени являются уроки, переводы или какія-нибудь постороннія занятія, а то чаще всего и того не бываетъ,—положительно, пропитаться нечѣмъ; цѣлою толпою приходятъ въ бюро и сидятъ тамъ часами только потому, что тамъ чай даровой могутъ имѣть; но такое препровожденіе времени пріучаетъ ихъ только къ бездѣлію". Безвыходность положенія дошла до того, что нѣкоторые просили у собранія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ разрѣшенія открывать на отдаленныхъ, но многолюдныхъ мѣстахъ нѣчто въ родѣ конторъ, съ выходною дверью на улицу, для подачи юридическихъ совѣтовъ и писанія

прошеній; въ двухъ трехъ мѣстахъ еще до подачи этого заявленія уже были открыты такія конторы, но помощники присяжныхъ повѣренныхъ должны были ихъ закрыть за отсутствіемъ требованій на „такія услуги“. Трудно было бы повѣрить чему-нибудь подобному, если бы все сообщенное не было нами провѣрено въ дѣйствительности, которая оказалась еще печальнѣе.

И кто-же, подумаешь, предлагаетъ населенію свои познанія, совѣты и руководство въ его насущныхъ потребностяхъ, вытекающихъ изъ экономическихъ и вообще соціальныхъ отношеній. Услуги эти предлагаетъ юноша, всѣ практическія свѣдѣнія котораго ограничиваются тѣмъ, что онъ твердо знаетъ, что приписанъ къ присяжному повѣренному въ качествѣ помощника. Услуги эти предлагаетъ тотъ, кто самъ надолго еще нуждается въ руководствѣ и чьи невѣрные шаги, въ смыслѣ адвокатскихъ познаній и адвокатской этики, вѣчно ищутъ опоры. Интересное мнѣніе извѣстнаго французскаго юриста La Rochellavin приводитъ въ своей брошюрѣ присяжный повѣренный В. Сулиговскій.

„Молодые юристы не имѣютъ дѣлъ, не имѣя за собою продолжительной подготовки; тѣ же, кто только ради заработка принимается слишкомъ рано за защиту, похожи на морскихъ пиратовъ". „Въ такихъ дѣйствіяхъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ", говоритъ Суліговскій, „можно только видѣть легкомысленное отношеніе къ обществу, которое всегда имѣетъ право требовать, чтобы защитникъ обладалъ способностями и солидною подготовкою, раньше чѣмъ онъ начнетъ дѣлать свои опыты на чужой шкурѣ. У кого нѣтъ терпѣнія (подготовляться), тотъ пусть ищетъ примѣнить свой трудъ въ другомъ дѣлѣ, но онъ не имѣетъ права браться за дѣло, къ которому онъ вовсе не подготовленъ. Первая истина, которую долженъ познать каждый изъ окончившихъ университетъ и зачисляющихся въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ, должна состоять въ томъ, что онъ долженъ еще учиться, и только послѣ продолжительнаго и усидчиваго труда, онъ можетъ явиться въ качествѣ защитника".

Осуществимы-ли подобныя требованія у насъ, среди нашихъ юныхъ юристовъ?

Конечно нѣтъ; да и гдѣ же тутъ думать о юриспруденціи, о солидной подготовкѣ, когда юный защитникъ едва по фамиліи знаетъ своего патрона, да и къ тому же занятъ уроками, переводами, а то и непреодолимымъ желаніемъ, которое въ довольно понудительной формѣ заявляетъ желудокъ, получить даровой стаканъ чаю съ хлѣбомъ.

Такимъ образомъ, очевидно, что положеніе всего сословія настолько ненормально, что если такой порядокъ вещей будетъ продолжаться еще нѣкоторое время, то уже окончательно некому будетъ замѣнить собою то поколѣніе присяжной адвокатуры, которое, въ силу естественнаго порядка вещей, уже начинаетъ сходить со сцены; и если подготовлявшійся при выше указанныхъ условіяхъ контингентъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и получитъ въ будущемъ званіе присяжныхъ повѣренныхъ, то ни общество, ни государство ничего не пріобрѣтутъ въ смыслѣ продуктивности труда такихъ субъектовъ, а наша адвокатура рискуетъ очутиться въ такомъ печальномъ положеніи,

въ какомъ она очутилась во время французской революціи, когда право принимать на себя защиту и веденіе чужихъ дѣлъ принадлежало каждому гражданину; не преувеличивая, можно сказать, что французская адвокатура того времени представляла собою вертепъ безграмотныхъ хищниковъ; такое положеніе вещей во Франціи продолжалось до тѣхъ поръ, пока государство опять не было вынуждено взять на себя подробную организацію адвокатуры.

Въ чемъ должны заключаться средства, чтобы измѣнить такое положеніе вещей и придать новиціату присяжной адвокатуры т кую организацію, которая въ результатѣ дала-бы обществу вполнѣ подготовленный теоретически и практически контингентъ присяжной адвокауры? Прежде чѣмъ коснуться этого вопроса, необходимо бросить взглядъ назадъ, не сдѣлано ли что нибудь въ этомъ отношеніи тѣми, кому сіе вѣдать надлежало. А вѣдать это надлежало прежде всего законодательной власти, затѣмъ совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ и окружнымъ судамъ, при томъ условіи,

когда послѣдніе являются въ качествѣ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и, наконецъ, главнымъ образомъ присяжнымъ повѣреннымъ—въ качествѣ патроновъ.

Законодатель, какъ мы видѣли раньше, (ст. 354 учр. суд. уст.) ограничился однимъ лишь только упоминаніемъ о томъ, что присяжными повѣренными могутъ быть лица, которыя „въ теченіи пяти лѣтъ занимались судебною практикою подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ". Затѣмъ впослѣдствіи появилась ст. 406[17], приравнявшая помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ къ частнымъ повѣреннымъ относительно требованія отъ первыхъ полученія отъ суда свидѣтельства на право веденія чужихъ дѣлъ. Ясно, что для организаціи сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ законодателемъ ничего не сдѣлано, такъ какъ 354 ст. только упоминаетъ о возможности существованія, а 406[17] ст. имѣетъ въ виду скорѣе фискальныя цѣли.

Наибольшую дѣятельность въ этомъ отношеніи обнаружили совѣты присяж-

ныхъ повѣренныхъ округовъ С.-Петербургской, Московской и Харьковской судебныхъ палатъ, но и здѣсь вся дѣятельность совѣтовъ представляетъ собою лишь рядъ попытокъ, осуществленію которыхъ въ большинствѣ случаевъ мѣшало полное безучастіе законодательной власти къ нуждамъ новиціата адвокатуры въ смыслѣ той или другой его организаціи. „Не довольствуясь мѣрами, находившимися въ распоряженіи совѣта, онъ дѣлалъ попытки къ установленію нѣкоторыхъ правилъ относительно помощниковъ и въ законодательномъ порядкѣ, но попытки эти до сихъ поръ не привели ни къ какимъ результатамъ“, говоритъ присяжный повѣренный П. В. Макалинскій въ своемъ трудѣ „С.-Петербургская присяжная адвокатура“ (стр. 50). Что-же касается окружныхъ судовъ, то исключая только Варшавскій окружный судъ, который все же выказалъ нѣкоторыя заботы объ организаціи сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, остальные суды обыкновенно ограничивались только причисленіемъ помощниковъ, сообразно заявленіямъ ихъ патроновъ. Не малою помѣхою

для правильной организаціи сословія помощниковъ служило также постоянное и ничѣмъ неоправдываемое стремленіе послѣднихъ выйти изъ-подъ всякаго контроля и образовать совершенно самостоятельное и независимое сословіе.

О патронатѣ присяжныхъ повѣренныхъ и отношеніи ихъ къ своимъ помощникамъ мы скажемъ ниже.

Отсутствіе всякой организаціи сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ начинается съ того, что даже вопросъ о томъ, кто можетъ быть зачисленъ въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ, до настоящаго времени рѣшается различно совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ и окружными судами (въ качествѣ совѣтовъ). Такъ, напримѣръ, Харьковскій совѣтъ отказалъ въ принятіи въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ экстраординарному профессору, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что при своихъ педагогическихъ занятіяхъ профессоръ будетъ только номинальнымъ помощникомъ, а помощникъ можетъ считаться таковымъ, только занимаясь судебной практикою подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго. Въ то-

же время Московскій совѣтъ охотно зачисляетъ профессоровъ въ помощники, причемъ мотивы такого зачисленія указываютъ на ту пользу, которую можетъ принести присутствіе профессора на конференціяхъ помощниковъ. Равнымъ образомъ намъ извѣстенъ случай зачисленія Одесскимъ окружнымъ судомъ въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ ординарнаго профессора. Кромѣ того, вопреки требованію ст. 354 уст. суд. учр. въ помощники были зачисляемы окружными судами лица, не получившія высшаго юридическаго образованія, почему Харьковскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ счелъ возможнымъ предоставить такимъ лицамъ двухгодичный срокъ для выдержанія экзамена въ одномъ изъ высшихъ юридическихъ заведеній. Извѣстны также случаи принятія судами въ число присяжныхъ повѣренныхъ лицъ, не кончившихъ курса въ высшихъ юридическихъ заведеніяхъ и, насколько помнится, въ числѣ такихъ судовъ былъ и Елисаветградскій. Во всякомъ случаѣ до настоящаго времени какъ совѣтами, такъ и судами соблюдался принципъ незачисленія въ помощ-

ники присяжныхъ повѣренныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Соблюденіе этого принципа мотивировалось всегда тѣмъ обстоятельствомъ, что помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ во время ихъ занятій необходимо усвоить ту привычку къ независимости, безъ которой невозможна адвокатская дѣятельность (Макалинскій стр. 525, извлеченіе изъ журналовъ Харьковскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ). Исключенія дѣлались только въ отношеніи профессоровъ университетовъ, какъ лицъ, по роду своей дѣятельности менѣе всего зависимыхъ и могущихъ принести пользу сословію.

Открытымъ остается тоже, по нашему мнѣнію, и вопросъ о самомъ способѣ приписки, а также о надзорѣ за помощниками присяжныхъ повѣренныхъ. Въ началѣ, напр., С.-Петербургскій совѣтъ довольствовался только однимъ заявленіемъ присяжнаго повѣреннаго о томъ, что послѣднимъ принято данное лицо въ помощники (журналъ 2 іюня 1866 г. Макалинскій). Спустя только три года, совѣтъ признаетъ за собою компетенцію въ пріемѣ или отказѣ лицу, претендующему на званіе помощника при-

сяжнаго повѣреннаго. Московскій и Харьковскій совѣты поступали такъ же, какъ и С.-Петербургскій, признавъ, что помощники состоятъ въ вѣдѣніи совѣта, отъ котораго зависитъ зачисленіе ихъ въ списокъ и исключеніе изъ него. Что касается окружныхъ судовъ въ качествѣ совѣтовъ, то здѣсь вопросъ о зачисленіи въ помощники обыкновенно выражается въ извѣстной формѣ: „принять къ свѣдѣнію заявленіе присяжнаго повѣреннаго“ такого-то.

Изъ указанныхъ постановленій совѣтовъ казалось бы, что помощники обязаны состоять въ вѣдѣніи первыхъ и подчиняться имъ, межъ тѣмъ одинъ изъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ С.-Петербургѣ, долженъ былъ окончательно разочаровать совѣты и убѣдить ихъ въ томъ, что власть ихъ въ отношеніи помощниковъ является только призракомъ. Когда по поводу одной выходки помощника совѣтъ пригласилъ его въ засѣданіе для личныхъ объясненій, то помощникъ отказался отъ явки, объясняя, что онъ не считаетъ себя подчиненнымъ совѣту и не обязанъ исполнять его постановленій и распоряженій.

За это совѣтъ постановилъ исключить помощника изъ списка. На такое постановленіе помощникъ принесъ жалобу С.-Петербургской судебной палатѣ, которая нашла, что, соглашаясь вполнѣ съ мыслями совѣта о необходимости и благодѣтельности надзора за помощниками, она находитъ, что хотя въ ст. 354 учр. суд. уст. и упоминается о лицахъ, которыя, занимаясь подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, состоятъ ихъ помощниками, но нигдѣ въ учрежденіи судебныхъ установленій не проведена мысль ни о томъ, чтобы помощники присяжныхъ повѣренныхъ составили особую корпорацію, тѣсно связанную и вполнѣ солидарную съ словіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, ни о томъ, чтобы помощники входили, какъ часть цѣлаго, въ самый составъ общества присяжныхъ повѣренныхъ, изъ чего слѣдуетъ, что предположеніе совѣта о безусловномъ правѣ его имѣть непосредственный за помощниками надзоръ и объ обязанности помощниковъ подчиняться контролирующей и дисциплинарной власти совѣта *не имѣетъ твердой точки опоры въ дѣйству-*

ющемъ законѣ, и что принимая во внимание всю важность и капитальность значенія такого уполномочія совѣта, законъ выразилъ таковую *положительно и категорически.* Надзоръ за помощниками долженъ осуществляться черезъ посредство присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ. Общія же мѣры совѣта могутъ быть для помощниковъ настолько лишь обязательны, насколько помощники *черезъ присяжныхъ повѣренныхъ,* при которыхъ состоятъ, изъявятъ желаніе добровольно подчиниться такимъ мѣрамъ. На основаніи этихъ соображеній, палата постановленіе совѣта отмѣнила. Пришлось совѣту выживать непокорнаго помощника другими мѣрами: совѣтъ обязалъ присяжнаго повѣреннаго, при которомъ числился этотъ помощникъ, отчислить помощника, и когда помощникъ вторично желалъ жаловаться судебной палатѣ и на это постановленіе, то совѣтъ отказалъ ему въ выдачѣ копіи съ постановленія, такъ какъ постановленіе это уже сообщено его патрону. Этотъ печальный опытъ заставилъ совѣтъ брать подписку съ каждаго вновь поступающаго помощника въ томъ, что тотъ будетъ без-

прекословно подчиняться всѣмъ постановленіямъ и распоряженіямъ совѣта. Когда затѣмъ палата измѣнила свой взглядъ на этотъ предметъ, то общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ сената рѣшеніемъ отъ 1880 года за № 6 указало палатѣ прежній путь, которому затѣмъ она и слѣдовала. Тогда совѣту опять пришлось обязать присяжнаго повѣреннаго, при которомъ состоялъ помощникъ, исключить послѣдняго изъ списка. Московскій и Харьковскій совѣты держатся той же точки зрѣнія, какъ и С.-Петербургскій, но тѣмъ не менѣе всѣ правила, изданныя совѣтами являются въ этомъ отношеніи зданіемъ, построеннымъ на пескѣ: обязателенъ ли, напримѣръ, для помощника § 29 правилъ, изданныхъ Харьковскимъ совѣтомъ? Параграфъ этотъ говоритъ, что совѣтъ по жалобѣ на дѣйствія помощника можетъ исключить его изъ списка; но мы видѣли раньше, что такое постановленіе совѣта, по мнѣнію судебной палаты, „не имѣетъ твердой точки опоры въ дѣйствующемъ законѣ“.

Московскій совѣтъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи нѣсколько иначе: впа-

чалѣ онъ передавалъ всѣ жалобы, приносимыя на дѣйствія помощниковъ, тѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ, при которыхъ числились помощники; но по признаніи самими помощниками недостаточности такого надзора, совѣтъ сталъ разсматривать жалобы непосредственно самъ, а постановленія свои приводилъ въ дѣйствіе через посредство присяжныхъ повѣренныхъ, къ коимъ были приписаны данные помощники; очевидно, къ такому образу дѣйствій совѣтъ былъ понужденъ выяснившимся взглядомъ палаты и сената, высказаннымъ ими по поводу постановлeній С.-Петербургскаго совѣта.

Намъ даже приходилось слышать мнѣніе многихъ помощниковъ о томъ, что каждый желающій поступить въ помощники, (конечно удовлетворяющій формальнымъ условіямъ) имѣетъ на это несомнѣнное *право*, и присяжный повѣренный *обязанъ* причислить его; равнымъ образомъ присяжный повѣренный не имѣетъ права отчислить помощника безъ указанія причинъ, при чемъ указаніе это должно быть сопровождаемо несомнѣнными доказательствами невозможности дальнѣйшаго

пребыванія даннаго лица помощникомъ у патрона. Нѣчто въ родѣ такихъ же соображеній высказывали и, такъ называемыя, „коммиссіи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ“, образовавшіяся въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Когда по поводу одного дѣла о помощникѣ С.-Петербургская судебная палата потребовала отъ совѣта свѣдѣній, на какомъ основаніи учреждена и дѣйствуетъ коммиссія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, то, отвѣчая на этотъ запросъ палаты, совѣтъ объяснилъ, что „слишкомъ продолжительный срокъ занятій въ качествѣ помощника, *нѣсколько неопредѣленное положеніе по отношенію къ присяжнымъ повѣреннымъ*, желаніе по возможности удобно и производительно устроить свои занятія судебною практикою, заботы о полученіи уголовныхъ защитъ и т. п. общіе интересы, естественно возникшіе у лицъ, имѣвшихъ одну общую и указанную въ законѣ цѣль—по прошествіи пяти лѣтъ, поступить въ званіе присяжныхъ повѣренныхъ,—привели помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ къ избранію изъ своей среды нѣсколькихъ сотоварищей и къ порученію этимъ сотова-

рищамъ или этой коммиссіи составить проектъ правилъ, которыя они желали бы видѣть утвержденными въ законодательномъ порядкѣ“. Такими соображеніями С.-Петербургскій совѣтъ поясняетъ появленіе и существованіе коммиссіи помощниковъ; Московскій совѣтъ смотритъ на коммиссію, какъ на учрежденіе, завѣдывающее дѣлами консультаціоннаго бюро, образованнаго помощниками при мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Указываемыя совѣтами причины образованія помощниками коммиссій,—причины второстепенныя; главная причина, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что брошенное на произволъ судьбы цѣлое сословіе, въ силу естественной необходимости, должно было выработать изъ себя органъ, контролирующій дѣятельность отдѣльныхъ членовъ. Такой взглядъ на значеніе коммиссій только впослѣдствіи усвоили себѣ С.-Петербургскій и Московскій совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, что ясно видно изъ различныхъ постановленій этихъ совѣтовъ.

Но вскорѣ случилось то, что раньше или позже должно было случиться: основанныя

на сочиненныхъ для себя и ни для кого необязательныхъ правилахъ, которыя не могли уже вслѣдствіе своей эфемерности опредѣлить права и обязанности коммиссій и кругъ ихъ компетенціи, коммиссіи эти не признавали надъ собою никакого контроля и стремились исхитить и безъ того призрачную власть совѣтовъ въ смыслѣ надзора за помощниками присяжныхъ повѣренныхъ. „Правда, коммиссія помощниковъ пыталась было присвоить себѣ самостоятельную роль въ вопросахъ объ отказѣ просителямъ въ принятіи ихъ въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, но попытки эти были каждый разъ останавливаемы совѣтомъ“, говоритъ Макалинскій (стр. 69).

Странный видъ борьбы двухъ учрежденій: перваго (совѣтъ), обладающаго совершенно призрачною властью, и второго, существующаго только потому, что его терпятъ; при чемъ послѣднее учрежденіе не можетъ даже указать закона, который гарантировалъ бы его существованіе. Когда коммиссія зачислила двухъ лицъ въ помощники и послала въ совѣтъ (С.-Петерб.) на утвержденіе свои постановленія, то получила отъ совѣта нѣчто въ

родѣ замѣчанія, въ которомъ, между прочимъ, совѣтъ говоритъ, что онъ „никогда не давалъ коммиссіи помощниковъ права постановлять опредѣленія о принятіи кого-либо въ помощники или объ отказѣ въ этомъ званіи; онъ предоставилъ коммиссіи только участіе въ собираніи свѣдѣній о кандидатахъ въ помощники, при чемъ эти свѣдѣнія подлежатъ провѣркѣ". Далѣе совѣтъ говоритъ, что коммиссія не есть учрежденіе оффиціальное, признанное закономъ (журналъ 30 мая 1874 г.). Затѣмъ, въ дальнѣйшихъ перепетіяхъ этой борьбы совѣтъ высказалъ, что во-1-хъ, помощники не образуютъ изъ себя самостоятельно пополняющагося сословія, а только группу лицъ, примыкающую посредствомъ ихъ патроновъ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ; 2) помощникъ не имѣетъ права не считать помощникомъ лицо, (дѣло шло объ исключеніи) принятое въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ; 3) что единственный представитель сословія, къ которому примыкаютъ помощники, есть совѣтъ; 4) что, наконецъ, совѣтъ не считаетъ согласнымъ ни со своимъ положеніемъ, ни съ закономъ подчинять свои

сужденія соображеніямъ и заключеніямъ коммисіи. Тоже самое было высказано и въ отношеніи коммисіи помощниковъ въ Москвѣ; пришлось Московскому совѣту читать коммисіи тѣ же правоученія. (Макалинскій стр. 529).

Такъ или иначе, но оказывается, что существуетъ въ Россіи какое-то учрежденіе, именующее себя коммиссіею помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и полагающее, что дѣйствуетъ на основаніи закона, между тѣмъ законъ совершенно не знаетъ такого учрежденія; оказывается, что коммисія дѣйствуетъ на основаніи какихъ-то догадокъ, при чемъ учрежденіе это стремится проявить такую самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ, какою вовсе не обладаютъ сами члены этого учрежденія. Несмотря однако на это, среди пишущей, но, очевидно, мало компетентной публики находятся защитники расширенія компетенціи комитетовъ и коммисій помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ до степени болѣе самостоятельныхъ органовъ, не посягая, конечно, какъ они выражаются, на ближайшій контроль совѣта присяжныхъ повѣренныхъ („Юридич. Вѣст.“

1887 года томъ XXIV. В. Ф. Баудеръ — „Помощники присяжныхъ повѣренныхъ“). „Напрасно боятся нѣкоторые“, говоритъ авторъ, „что это поведетъ за собою нежелательное разобщеніе помощниковъ съ ихъ патронами. Между ними живая связь, которая никогда ни при какихъ условіяхъ не порвется. Большая самостоятельность органовъ молодыхъ адвокатовъ внесла бы въ сословіе *живую струю новыхъ вѣяній*“. „Живая связь“, „живая струя новыхъ вѣяній“—все это однѣ только фразы, ничего не выражающія собою. Странно даже слышать, что въ адвокатуру можетъ вносить новыя вѣянія тотъ, кто самъ вступаетъ въ сословіе съ тѣмъ, чтобы учиться и кому въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ чужда азбука десятаго тома зак. гражд., не говоря уже объ основаніяхъ адвокатской этики.

Расширяя надзоръ за помощниками, совѣты должны были обратить вниманіе и на подготовку и даже на самый способъ подготовки помощниковъ къ званію присяжнаго повѣреннаго. Поэтому, въ 1868 году, Петербургскій, а затѣмъ и Московскій совѣты требовали отъ помощниковъ, чтобы,

вступая въ это сословіе, они были дѣйствительными помощниками, а не фиктивными; почему совѣты обязывали патроновъ представлять отчеты о дѣятельности ихъ помощниковъ за каждое полугодіе; только Харьковскій совѣтъ въ параграфѣ 11-мъ изданныхъ имъ правилъ, говоря, что помощники берутъ дѣла или въ качествѣ фактическихъ помощниковъ или самостоятельно, но подъ наблюденіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ-бы признаетъ возможность существованія нефактическихъ помощниковъ; что же касается требованія, чтобы нефактическіе помощники вели дѣла подъ наблюденіемъ своихъ патроновъ, то оно является только пустою фразою, такъ какъ совѣту небезъизвѣстно, что такого „наблюденія въ дѣйствительности не существуетъ, да никогда и не существовало.

Чтобы упрочить заведенный порядокъ и сдѣлать его обязательнымъ, С.-Петербургскій совѣтъ еще въ 1876 году рѣшился очевидно на очень радикальную мѣру: онъ исключилъ изъ списковъ *сорокъ четыре помощника*, не представившихъ отчетовъ о своей дѣятельности.

Кромѣ того, совѣты потребовали, чтобы помощники обо всѣхъ перемѣнахъ своихъ адресовъ сообщали немедленно совѣтамъ, вели книги для записки производимыхъ ими дѣлъ (С.-Пб. сов. журн. 12 янв. 1882 г., Харьк. § 17 правилъ) и не проживали въ другихъ судебныхъ округахъ, занимаясь самостоятельно судебною практикою.

Въ видахъ практической подготовки, совѣты предписываютъ помощникамъ посѣщать судебныя засѣданія, при чемъ совѣтами возбуждались даже ходатайства у предсѣдательствующихъ въ уголовныхъ отдѣленіяхъ судовъ о назначеніи помощниковъ на уголовныя защиты. Въ 1874-мъ году коммиссія помощниковъ въ С.-Петербургѣ просила совѣтъ оказать содѣйствіе къ назначенію помощниковъ защитниками по уголовнымъ дѣламъ наравнѣ съ присяжными повѣренными (Макалинскій стр. 89), но совѣтъ указалъ на полнѣйшую невозможность удовлетворенія такого ходатайства; между тѣмъ тотъ же совѣтъ возбуждалъ вопросъ о томъ, можетъ ли быть принятъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ помощникъ, не имѣвшій въ теченіи своего

стажа уголовныхъ защитъ. Признавъ затѣмъ, что практическое знакомство съ производствомъ уголовныхъ дѣлъ необходимо для каждаго аспиранта на званіе присяжнаго повѣреннаго, совѣтъ, въ виду облегченія помощникамъ возможности получать уголовныя защиты, рѣшилъ выдавать пособіе изъ суммъ 10% сбора тѣмъ помощникамъ, которые будутъ отправляться внѣ С.-Петербурга на выѣздныя сессіи суда, съ соблюденіемъ, конечно, очереди между помощниками; наконецъ, совѣтъ предложилъ помощникамъ участвовать на дежурствахъ въ консультаціи,—вначалѣ безъ права голоса, а затѣмъ и съ правомъ голоса, но не иначе какъ совмѣстно съ присяжнымъ повѣреннымъ.

Еще въ 1871 году С.-Петербургскій совѣтъ убѣдился, что несмотря на отдѣльныя проявлявшіяся въ томъ или другомъ отношеніи заботы объ организаціи сословія помощниковъ, положеніе послѣднихъ въ высшей степени неудовлетворительно; въ виду этого совѣтомъ были изданы общія правила организаціи сословія помощниковъ. Въ 1873 г. правила эти были представлены С.-Петербургской судеб-

ной палатѣ для разсмотрѣнія, которая затѣмъ представила ихъ на усмотрѣніе министра юстиціи: дальнѣйшая судьба этихъ правилъ такъ и осталась неизвѣстною.

„Между тѣмъ требованіе объ организаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ заявлялось жизнью все громче и громче“ (Макалинскій, стр. 107, § 28) и девять лѣтъ спустя, въ 1883 г., С.-Петербургскій совѣтъ опять берется за свой Сизифовъ трудъ: составленіе правилъ для организаціи сословія помощниковъ и ходатайство объ утвержденіи этихъ правилъ въ законодательномъ порядкѣ. Въ этихъ видахъ совѣтъ избираетъ коммиссію для выработки соотвѣтствующихъ правилъ; коммиссія помощниковъ съ своей стороны вырабатываетъ тоже правила и представляетъ ихъ совѣту. Въ правилахъ, выработанныхъ коммиссіею помощниковъ, послѣдняя стремится устранить личный патронатъ и требуетъ, чтобы за помощниками было признано право (§ 6) наравнѣ съ присяжными повѣренными: а) защищать подсудимыхъ по назначенію суда, б) вести гражданскія дѣла по назначенію суда или совѣта въ случаяхъ, указанныхъ

въ законѣ, и г) отбывать платежъ 10% сбора,—срокъ стажа она сокращаетъ до трехъ лѣтъ.

Правила эти были представлены общему собранію присяжныхъ повѣренныхъ, гдѣ они обсуждались параллельно съ правилами, выработанными коммисіею, составленною изъ председателя совѣта, его товарища и двухъ членовъ совѣта; но общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ, 23 и 11 декабря 1883 г. (Макалинскій стр. 112), признало труды обѣихъ коммиссій неудовлетворительными, почему была вновь назначена коммиссія, состоявшая изъ семи присяжныхъ повѣренныхъ; составленныя послѣднею правила, послѣ обсужденія ихъ въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ, были представлены совѣтомъ въ С.-Петербургскую судебную палату съ просьбою возбудить ходатайство объ утвержденіи правилъ въ законодательномъ порядкѣ. Палата, обсудивъ представленіе совѣта, видоизмѣнила эти правила и соображенія свои представила въ министерство юстиціи 7 октября 1886 года, за № 10490. „*О судьбѣ этого представленія пока ничего неизвѣстно*“.

Такимъ образомъ въ результатѣ дѣятельности С.-Петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, совмѣстно съ очень солиднымъ трудомъ С.-Петербургской судебной палаты, явились правила для организаціи сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ; такія же правила были изданы Харьковскимъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ и, наконецъ, надняхъ съ тою же цѣлью изданы довольно подробныя правила Одесскимъ окружнымъ судомъ, въ качествѣ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Московскій совѣтъ, насколько намъ извѣстно, не издалъ до настоящаго времени отдѣльно подобныхъ правилъ, за исключеніемъ правилъ объ организаціи подготовки помощниковъ, но зато въ этомъ смыслѣ имѣется очень цѣнный матеріалъ, разбросанный въ различныхъ постановленіяхъ совѣта. Варшавскій окружный судъ тоже коснулся этого вопроса въ своемъ наказѣ, но коснулся его слишкомъ формально, слишкомъ бѣгло.

Сравнивая изданныя правила и постановленія совѣтовъ, а также правила, изданныя Одесскимъ окружнымъ судомъ, нельзя не прійти къ заключенію, что со-

вѣты, а въ томъ числѣ и суды стремились организовать сословіе помощниковъ каждый по своему.

Гдѣ лежатъ причины этого разнообразія требованій и взглядовъ, а часто и противорѣчія положительному закону,— объ этомъ мы скажемъ ниже, а пока обратимся къ сравненію отдѣльныхъ параграфовъ этихъ правилъ.

Въ общемъ правила эти далеко не объемисты и содержатъ въ себѣ отъ 22 (Одес. окр. суда) до 31 (Харьковск. совѣтъ) параграфовъ или статей, слѣдующихъ въ извѣстномъ порядкѣ, начиная съ вопроса о томъ, кто можетъ быть принятъ въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ; затѣмъ слѣдуетъ самый способъ зачисленія и т. д. до вопроса объ отвѣтственности помощниковъ.

Что касается вопроса о томъ, кто можетъ быть принятъ въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, то въ этомъ отношеніи существуетъ полное однообразіе какъ въ правилахъ, проектированныхъ С.-Петербургскимъ совѣтомъ и исправленныхъ С.-Петерб. суд. палатою (II -- п. 1), такъ и въ правилахъ, изданныхъ

Харьковскимъ совѣтомъ (§ 3) и Одесскимъ окружнымъ судомъ (§§ 2 и 3). Такое однообразіе требованій вполнѣ понятно, такъ какъ оно основано на буквальномъ смыслѣ 354 и 355 ст. учр. суд. установ.

Послѣдующій вопросъ, о самомъ способѣ зачисленія субъекта въ помощники, уже нѣсколько разнообразится; въ то время какъ С.-Петербургскій, Московскій и Харьковскій совѣты указываютъ на то, что при зачисленіи помощникъ обязанъ подать заявленіе съ приложеніемъ необходимыхъ документовъ присяжному повѣренному, а затѣмъ уже послѣдній ходатайствуетъ предъ совѣтомъ о зачисленіи помощника, Одесскій окружный судъ требуетъ, чтобы прошеніе о зачисленіи было подаваемо помощникомъ непосредственнс суду, и уже при прошеніи должно быть приложено заявленіе присяжнаго повѣреннаго о томъ, что послѣдній согласенъ на зачисленіе просителя къ нему помощникомъ. (С.-Петерб. § 2, Харьк. § 7, Одесск. окр. суд. § 1).

Принятіе въ помощники или отказъ въ этомъ по правиламъ всѣхъ указанныхъ

совѣтовъ и Одесск. окр. суда вполнѣ зависитъ отъ суда или совѣтовъ. (§ 6 Одесск. окруж. суда, § 8 Харьк сов., II—§ 4. С.-Петерб. сов.).

Веденіе алфавитныхъ списковъ помощниковъ пріезжиныхъ повѣренныхъ и доставленіе послѣдними своихъ адресовъ (Петерб. § 4, Харьк. § 10, Одес. окр. суд. § 9 и 7) признано необходимымъ совѣтами и судомъ. С.-Петербургскій совѣтъ и палата требуютъ, чтобы помощникъ имѣлъ мѣстопребываніе въ томъ городѣ, гдѣ избралъ мѣстожительство и патронъ (§ 5). Правила Харьковскаго совѣта и Одесскаго окружнаго суда дѣлаютъ исключенія изъ этого правила, при чемъ Харьковскій совѣтъ довольствуется разрѣшеніемъ, даннымъ помощнику его патрономъ, а Одесскій окружный судъ ставитъ необходимымъ условіемъ разрѣшеніе общаго собранія суда (Харьковск. § 5, Одесск. окр. суда § 8).

Требованіе отчета о дѣятельности помощниковъ, веденіе списка производимыхъ ими дѣлъ обязательно по правиламъ, изданнымъ всѣми вышеуказанными совѣтами и Одесскимъ окружнымъ судомъ; рав-

нымъ образомъ обязательно для патрона и помощника не являться противниками въ одномъ и томъ же дѣлѣ; сюда же относится обязанность сохранять тайну и т. д.,—словомъ, нѣкоторыя основныя правила адвокатской этики. Что касается веденія дѣлъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, то въ этомъ отношеніи существуетъ громадное разногласіе между постановленіями съ одной стороны С.-Петербургскаго совѣта и съ другой—совѣтовъ Харьковскаго и Московскаго и Од. окр. суда. Въ то время какъ С.-Петербургскій совѣтъ требуетъ извѣстной градаціи по предполагаемой степени опытности помощника (§ 6 а, б, в), другіе совѣты и судъ указываютъ только на необходимость „наблюденія и руководства“ со стороны присяжнаго повѣреннаго (Од. окр. суд. § 10. Харьк. сов. 11).

Правилами совѣтовъ и Од. окр. суда признано за присяжнымъ повѣреннымъ несомнѣнное право во всякое время заявить совѣту или же суду объ отказѣ имѣть извѣстное лицо въ качествѣ помощника (Харьк. § 27, Од. окр. с. § 17, С.-Пб. II § 7).

Таковы въ общихъ чертахъ правила, изданныя указанными выше учрежденіями для организаціи сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Если бы въ настоящее время любому юристу предложить вопросъ: опредѣлить, такъ сказать, юридическую природу указанныхъ правилъ, то вопрошаемый очутился бы въ крайне затруднительномъ положеніи. Отнести эти правила къ разряду наказовъ никоимъ образомъ невозможно, такъ какъ они далеко не представляютъ собою правилъ, относящихся „до внутренняго распорядка и дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ“ (ст. 166 уст. суд. учр.), а тѣмъ болѣе въ виду того, что въ наказахъ не могутъ быть ни въ чемъ нарушаемы правила, законами установленныя (ст. 170. уст. суд. уч.). О томъ, чтобы правила эти имѣли значеніе закона и говорить нечего, такъ какъ ни суды, ни совѣты присяжныхъ повѣренныхъ ни малѣйшею долею законодательной власти не обладаютъ; равнымъ образомъ тѣ и другіе лишены возможности такого толкованія закона, которое было бы обязательно не только для всѣхъ и каждаго, но и для

любой группы, какова. напр., сословіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Скорѣе всего эти правила можно отнести къ области законодательныхъ проектовъ, при чемъ, конечно, каждому благомыслящему человѣку слѣдуетъ желать скорѣйшаго утвержденія этихъ правилъ въ законодательномъ порядкѣ.

Чтобы мнѣніе это не могло казаться голословнымъ, достаточно только бѣглаго взгляда на вопросы, затрагиваемые этими правилами. Кому, напр., помощникъ долженъ подавать прошеніе о зачисленіи — суду, совѣту или тому присяжному повѣренному, подъ руководствомъ котораго онъ желаетъ работать? Вопросъ этотъ различныя правила и рѣшаютъ различно, хотя судя по опытамъ С.-Петербургскаго совѣта и рѣшеніямъ С.-Петербургской судебной палаты такое прошеніе дожно быть подаваемо присяжному повѣренному; это понятно хотя бы даже въ порядкѣ подчиненности, устанавливаемой закономъ во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Далѣе слѣдуетъ весьма важный вопросъ о томъ, можетъ ли помощникъ имѣть мѣсто пребыванія не въ томъ городѣ, гдѣ про-

живаетъ его патронъ. Правила, изданныя Харьковскимъ совѣтомъ и Одесскимъ окружнымъ судомъ, разрѣшаютъ помощнику проживать въ другомъ городѣ, конечно при согласіи на это общаго собранія суда или совѣта.

Такое разрѣшеніе, по нашему мнѣнію, кѣмъ бы оно ни давалось, нарушаетъ смыслъ 354 ст. учр. суд. устан., которая требуетъ, чтобы помощникъ занимался подъ наблюденіемъ присяжнаго повѣреннаго. Иного наблюденія, разумнаго и добросовѣстнаго, не можетъ быть надъ помощникомъ, какъ только *непосредственное*. Да и въ самомъ дѣлѣ, какое же мыслимо наблюденіе надъ занятіями помощника изъза сотенъ верстъ. Кто хотя немного знакомъ съ характеромъ адвокатской дѣятельности, тотъ признаетъ, что еслибъ даже, формы ради, помощникъ списывался со своимъ патрономъ, то это было-бы смѣшнымъ съ точки зрѣнія каждаго юристаадвоката, каждаго судьи. И еслибъ даже потребовалось смягчить суровое, но спасительное требованіе непосредственнаго наблюденія, то еще понятно, если бы такое облегченіе сдѣлано было тѣмъ помощни-

камъ, которые оканчиваютъ послѣдній годъ своего стажа, и то принимая во вниманіе черезчуръ длинный пятилѣтній срокъ, требуемый 351 ст. учр. суд. уст.; отпускать же юношу, только что окончившаго университетъ или даже пробывшаго помощникомъ годъ-два, на подножный адвокатскій кормъ, въ большинствѣ случаевъ въ провинцію, гдѣ, какъ извѣстно, свои взгляды на вещи, свои обычаи и вообще вся среда не разъ затягивали въ тину уже вполнѣ окрѣпшихъ людей, — разрѣшать помощнику самостоятельную практику въ какомъ-нибудь уѣздномъ городѣ,— это полнѣйшее преступленіе; адвокатура—это очень острый мечъ, и давать его всецѣло въ руки того, чей каждый шагъ еще долженъ быть направляемъ и контролируемъ, недобросовѣстно.

Еще болѣе важный вопросъ, трактуемый указанными правилами,—вопросъ о веденіи дѣлъ помощниками, разрѣшенъ въ высшей степени неудовлетворительно. Только правила С.-Петербургскаго совѣта, исправленныя С.-Петербургскою судебной палатою, разрѣшаютъ этотъ вопросъ болѣе или менѣе въ духѣ пониманія естествен-

наго порядка вещей, при чемъ правила эти уже слишкомъ строго относятся къ вопросу о томъ, когда помощникъ можетъ получить право веденія чужихъ гражданскихъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Правила эти требуютъ, чтобы за все время своего стажа помощникъ не имѣлъ права вести чужія гражданскія дѣла въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Что касается послѣдовательности въ пріобрѣтеніи помощниками правъ веденія чужихъ дѣлъ, то правила требуютъ, чтобы весь первый годъ стажа былъ посвященъ исключительно исполненію порученій присяжныхъ повѣренныхъ (при которыхъ состоятъ помощники) по письменной части, какъ-то: по изготовленію проектовъ дѣловыхъ бумагъ, разработкѣ возникающихъ юридическихъ вопросовъ, собираніи по дѣламъ справокъ и посѣщеніи судебныхъ засѣданій. Во второй годъ помощникъ можетъ уже вести уголовныя и гражданскія дѣла въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ подъ руководствомъ своего патрона. Послѣ двухъ лѣтъ практики, помощникъ можетъ быть избираемъ или назначаемъ защитникомъ

по уголовнымъ дѣламъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, но все же подъ руководствомъ патрона и получивъ на это одно общее разрѣшеніе совѣта.

Нельзя не сказать, что такая постановка дѣла подготовленія помощника въ высшей степени правильна, такъ какъ здѣсь соблюдена требуемая логикою вещей послѣдовательность, которая всегда сопутствуетъ всякому пріобрѣтенію познаній. Нѣсколько сурово относятся правила къ разрѣшенію веденія помощниками гражданскихъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Намъ кажется, что послѣ четырехлѣтняго срока стажа, такое разрѣшеніе можетъ быть всегда дано помощнику: четыре года — это очень достаточный срокъ для изученія цивильнаго права (матерьяльнаго) и процесса.

Во всякомъ случаѣ, оказывается, что С.-Петербургская судебная палата, которой принадлежитъ исправленіе правилъ въ указанномъ смыслѣ, хорошо понимала, что выпускать на защиту дѣлъ неопытнаго юношу никоимъ образомъ не возможно; что помощнику необходимо

вначалѣ *много* и *долго* учиться для пріобрѣтенія извѣстной доли опытности, что веденіе чужого дѣла—вещь слишкомъ серьезная, и что государство должно же наконецъ озаботиться о томъ, чтобы каждый гражданинъ, ввѣряя свои интересы, свою честь, часто все свое достояніе адвокату, могъ быть увѣренъ, что онъ ввѣряетъ ихъ лицу, дѣйствительная опытность котораго гарантирована правительствомъ признаніемъ за этимъ лицомъ принадлежности его къ сословію адвокатовъ.

Въ правилахъ совѣтовъ и Одесскаго окружнаго суда ясно выражено желаніе поставить помощниковъ въ непосредственную зависимость отъ совѣтовъ и суда, конечно, если таковой состоитъ въ положеніи совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Такое положеніе вещей было бы желательно, но пока это должно оставаться только желаніемъ; а пока ни судъ, ни совѣты не могутъ сами исключить данное лицо изъ помощниковъ,—объ этомъ ясно высказалась С.-Петербургская палата и сенатъ, и если возможно исключеніе помощника, то только, такъ сказать, рекомендацией: совѣтъ и судъ могутъ обязать

присяжнаго повѣреннаго отчислить помощника. Отсюда понятно то *невозможное* противорѣчіе, которое бросается въ глаза при сопоставленіи ст. 14 и 15 „правилъ,“ изданныхъ Одесскимъ окружнымъ судомъ.

Во всякомъ случаѣ, всѣ эти правила, постановленія совѣтовъ и судовъ въ отношеніи помощниковъ, часто очень цѣлесообразныя и имѣющія въ виду благія цѣли, представляютъ собою, по силѣ ихъ устойчивости, нѣчто въ родѣ постройки Эйфелевой башни конусомъ внизъ.

Нельзя не замѣтить, что въ указанныхъ правилахъ вопросъ о личномъ патронатѣ сравнительно мало разработанъ. Если о личномъ патронатѣ правила говорятъ только въ общихъ чертахъ, то это въ порядкѣ вещей, такъ какъ личный патронатъ по своей природѣ не поддается подробной регламентаціи. Личныя отношенія присяжнаго повѣреннаго къ его помощнику заключаютъ въ себѣ именно такія черты, которыя и могутъ только быть охарактеризованы самымъ понятіемъ „патроната.“ Вмѣстѣ съ чертами нѣкоторой подчиненности, преобладающимъ элементомъ здѣсь является постоянная забота стар-

шаго о младшемъ въ смыслѣ профессіональной подготовки — просто профессіональнаго обученія; это отчасти продолженіе тѣхъ же отношеній студента къ профессору, но отношеній болѣе тѣсныхъ, обнимающихъ всесторонне дѣятельность молодого адепта; и если бы это не казалось преувеличеніемъ, то отношеніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ къ ихъ патронамъ можно было бы сравнить съ отношеніемъ „послушниковъ" къ старшей братіи, а тѣмъ болѣе въ вопросахъ, касающихся адвокатской—сословной этики; и здѣсь существуетъ тотъ же строгій уставъ, твердое знаніе котораго далеко еще недостаточно для того, чтобы быть посвященнымъ въ сословіе; необходимо глубоко проникнуться духомъ этого устава уже въ виду одного того, что отношенія присяжнаго повѣреннаго къ его кліентамъ по своей природѣ не всегда уловимы для буквы закона, и подробная регламентація этихъ отношеній — невозможна.

Говоря о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, законодатель употребилъ одно общее выраженіе, которое долж-

но характеризовать отношеніе патроновъ къ ихъ помощникамъ: законъ требуетъ, чтобы молодые адепты адвокатскаго сословія занимались судебною практикою „*подъ руководствомъ* присяжныхъ повѣренныхъ *въ качествѣ ихъ помощниковъ*“ (354 ст. учр. суд. уст.). Прямой смыслъ этого законоопредѣленія говоритъ, что никакой самостоятельной роли за помощниками законъ не признаетъ, и затѣмъ тотъ же законъ требуетъ со стороны присяжныхъ повѣренныхъ *руководства* въ отношеніи ихъ помощниковъ. Объ этомъ-то руководствѣ и слѣдовало-бы поговорить.

По судебно-статистическимъ свѣдѣніямъ число присяжныхъ повѣренныхъ во всѣхъ судебныхъ округахъ представляетъ собою довольно изрядную цыфру, а именно—1711 человѣкъ: межъ тѣмъ по личнымъ наблюденіямъ, а также основываясь на мотивахъ постановленій Московскаго и С.-Петербургскаго совѣтовъ, мы можемъ смѣло утверждать, что ***едва-ли десять процентовъ*** изъ общаго количества присяжныхъ повѣренныхъ дѣйствительно руководитъ своими помощниками, т. е. работаетъ надъ подготовкою ихъ къ званію

присяжныхъ повѣренныхъ; остальные ограничились одною только любезностью — припискою къ себѣ помощника. Одна изъ коммиссій, образованная въ 1883 г. общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ округа С.-Петербургской судебной палаты для выработки проекта правилъ организаціи помощниковъ, мотивируя проектъ правилъ, говоритъ, между прочимъ, что положеніе помощниковъ съ самаго введенія уставовъ представлялось уже *въ высшей степени неопредѣленнымъ*, что послѣдующая практика усугубила эту неопредѣленность, что званіе помощника обратилось въ одну фикцію; помощники только числятся таковыми, а контроль за ихъ дѣятельностью фактически уничтожился; судебныя мѣста оставляютъ дѣятельность помощниковъ безъ всякаго контроля, а совѣтъ, желавшій распространить свою дисциплинарную власть надъ помощниками, всегда въ этомъ отношеніи встрѣчалъ рѣшительное противодѣйствіе въ судебной палатѣ, которая „не усматривала въ судебныхъ уставахъ никакого основанія для предоставленія совѣту дисциплинарной власти

надъ помощниками" (Макалинскій стр. 112—113).

Такимъ образомъ оффиціально признано, что присяжные повѣренные, въ обходъ закону, фиктивно приписываютъ помощниковъ. Наконецъ дѣло дошло до того, что Московскій совѣтъ вынужденъ былъ постановить: *„объявить присяжнымъ повѣреннымъ, что зачисленіе ими въ помощники молодыхъ людей, не занимающихся подъ ихъ руководствомъ, несогласно съ 354 ст. учр. суд. уст. и будетъ преслѣдуемо, какъ дѣйствіе незаконное."* Угроза сдѣлана, но были-ли какія-нибудь преслѣдованія нарушителей этого постановленія, — объ этомъ пока ничего не слышно. Когда же вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ обязалъ патроновъ представлять каждое полугодіе отчеты о дѣятельности ихъ помощниковъ, то, по признанію самаго же совѣта, отчеты эти сдѣлались одною только формальностью, „а потомъ и прекратились." „Совѣту извѣстно," продолжаетъ іеремiада, „что присяжные повѣренные попрежнему не занимаются своими помощниками и помѣшать этому нѣтъ возможности!" Въ большинствѣ постановленій С.-Петер-

бургскаго совѣта, касающихся надзора за помощниками, высказывается то же самое мнѣніе (журналъ 11 мая 1862 г., 15 сентября 1875 г.).—Иначе—значеніе и вліяніе личнаго патроната несуществуетъ.

Но если такому положенію вещей способствовало главнымъ образомъ отсутствіе законодательныхъ нормъ для разумной и прочной организаціи сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, то не меньшая вина того неопредѣленнаго, положенія, въ какомъ нынѣ находится это сословіе, падаетъ тоже и на тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые завѣдомо-фиктивно приписывали къ себѣ молодыхъ юристовъ; при этомъ необходимо добавить, что многіе патроны не желали, а зачастую даже и не умѣли работать надъ своими помощниками. Большая ошибка законодателя заключается главнымъ образомъ въ томъ, что все техническое образованіе и этическое воспитаніе молодыхъ юристовъ—помощниковъ онъ отдалъ всецѣло въ руки сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Молодое, едва образовавшееся сословіе нашей присяжной адвокатуры, не имѣвшее никакихъ традицій, должно

было прежде всего заботиться о самовоспитаніи, и когда затѣмъ дошла очередь до помощниковъ, то всѣ заботы совѣтовъ объ организаціи этого сословія въ законодательномъ порядкѣ встрѣчали систематическое противодѣйствіе со стороны прежнихъ министровъ юстиціи. Но даже и при такомъ положеніи вещей личный патронатъ могъ-бы сдѣлать свое дѣло, если-бы гг. патроны прониклись дѣйствительнымъ пониманіемъ 354-ой ст. учр. суд. уст. Но дѣло въ томъ, что и здѣсь, какъ и въ большинствѣ отраслей нашей общественной дѣятельности, сказались наша незрѣлость, наше неумѣніе вести порученное намъ дѣло, наконецъ наше славянское разгильдяйство. Принять молодого юношу, окончившаго университетъ, къ себѣ въ помощники и затѣмъ бросить его на всѣ четыре вѣтра на скользкомъ пути адвокатуры—это величайшая нерадивость. Можно было-бы послать упрекъ и въ сторону помощниковъ, за частое желаніе уклоняться отъ первоначальной черной работы у патроновъ, за всегдашнее стремленіе къ самостоятельному веденію дѣлъ, не имѣя при этомъ въ

занаетѣ ни какой практической, ни даже теоретической подготовки, но винить ихъ въ этомъ всецѣло невозможно уже потому, что сословіе помощниковъ вслѣдствіе изложенныхъ причинъ всегда представляло собою въ полномъ смыслѣ этого слова стадо безъ пастыря. И если закономъ и были опредѣлены къ этому стаду пастыри, то послѣдніе дѣлали только видъ, якобы руководятъ этимъ стадомъ, пуская его безъ всякаго присмотра на весьма опасный подножный адвокатскій кормъ.

Достаточно было бы установить разъ навсегда принципъ: не принимать къ себѣ вовсе помощника, если патронъ почему-либо не можетъ руководить имъ и учить его въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова,—и все дѣло организаціи надзора за помощниками съ самаго начала было-бы поставлено иначе. Правда, было-бы на половину менѣе помощниковъ, чѣмъ ихъ имѣется въ настоящее время, но отъ этого присяжная адвокатура только выиграла бы, такъ какъ контингентъ ея пополнялся бы лицами, дѣйствительно подготовленными къ званію присяжнаго повѣреннаго. Нынѣшнее же положеніе по-

мощниковъ грозитъ въ недалекомъ будущемъ весьма печальными послѣдствіями для присяжной адвокатуры, если само правительство не возьметъ на себя инипіативу привести въ порядокъ организацію сословія помощниковъ. Грустно видѣть, какъ, признавъ оффиціально несостоятельность личнаго патроната,—этого воистину жизненнаго и святого дѣла,—совѣты и суды, берутъ поневолѣ на себя тяжелую обязанность попечительства и мельчайшихъ заботъ о подростающемъ поколѣніи присяжной адвокатуры. Но что же дѣлать, если сословіе присяжныхъ повѣренныхъ оказалось мертвымъ сословіемъ.

Въ виду полнѣйшей невозможности удержать личный патронатъ на той высотѣ, которая предполагалась 354 ст. учр. суд. уст., и если ужъ необходимо, чтобы правительство взяло въ свои руки организацію сословія помощниковъ, то слѣдовало-бы прежде всего установить такой порядокъ вещей, при которомъ молодые юристы въ первые два года по окончаніи курса наукъ въ университетѣ фактически на дѣлѣ изучали бы всесторонне процессъ и право. Лучшею школою въ этомъ отно-

шеній могутъ служить наши судебныя учрежденія. Объ этомъ говоритъ то же и авторъ цитированной мною брошюры прися;к. повѣр. А. Сулиговскій. Неговоря уже о томъ, что само пребываніе молодого человѣка въ судебномъ мірѣ въ первые два года его дѣятельности было бы очень полезно для него во всѣхъ отношеніяхъ, онъ уже путемъ одного навыка могъ бы изучить техническую сторону судейской и адвокатской дѣятельности. „Невозможно просто представить себѣ, какимъ образомъ можетъ становиться въ ряды защитниковъ лицо, не коснувшееся непосредственно судебной дѣятельности, незнакомое по личному опыту съ дѣятельностью суда“, замѣчаетъ А. Сулиговскій.

Только послѣ двухъ лѣтъ дѣйствительнаго труда въ судѣ въ качествѣ кандидата на судебную должность, помощника секретаря или секретаря отдѣленія, можно было-бы разрѣшать молодымъ людямъ вступать въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Съ извѣстнымъ запасомъ практическихъ свѣдѣній и нравственно окрѣпшіе, они могли бы являться уже дѣйстви-

тельными помощниками у своихъ патроновъ, да кромѣ того были бы разборчивѣе и въ самомъ выборѣ таковыхъ.

Уменьшивъ стажъ до четырехъ лѣтъ, можно было-бы разрѣшить помощнику на третьемъ году его практики веденіе чужихъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, а на четвертомъ году веденіе всѣхъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Но дабы и это двухлѣтнее пребываніе помощникомъ не превратилось только въ фикцію, слѣдовало-бы исходатайствовать утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ утвержденія съ нѣкоторыми измѣненіями тѣхъ правилъ, проектъ которыхъ изданъ на-дняхъ Одесскимъ окружнымъ судомъ. При чемъ, конечно, въ числѣ необходимыхъ измѣненій надлежало-бы совершенно воспретить избраніе помощникомъ иного мѣстожительства, чѣмъ избранное его патрономъ, а затѣмъ, согласно постановленію Московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, подвергать строгой отвѣтственности тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые, въ обходъ закону, имѣютъ

фиктивныхъ помощниковъ. Самое количество помощниковъ, которыхъ можетъ приписать къ себѣ присяжный повѣренный, *ограничить двумя*.

Что касается теоретической подготовки помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, то таковую слѣдовало-бы сдѣлать обязательною въ принципѣ, предоставивъ совѣтамъ и судамъ самимъ разрѣшать вопросы объ организаціи этой подготовки,— учрежденіи, такъ называемыхъ, юридическихъ конференцій, дѣленіи помощниковъ на группы и т. д., при чемъ за образецъ можно было-бы принять правила, изданныя съ этою цѣлью Московскимъ совѣтомъ.

Сознавая вполнѣ всю незаконченность и другіе недостатки этого ряда замѣтокъ о положеніи сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, я тѣмъ не менѣе рѣшился издать этотъ трудъ: я никогда не могъ равнодушно созерцать эту поистинѣ печальную картину забытой законодателемъ, брошенной на всѣ четыре вѣтра тѣми, кто по преимуществу обязанъ былъ о ней печься, изнывающей и зачастую гибнущей,

вслѣдствіе неопредѣленности своего положенія, молодежи, которая составляетъ контингентъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

